

ПРОЕКТ
«АНТИРОССИЯ»

СССР В ОСАДЕ

Анатолий Уткин

Проект «АнтиРоссия»

Анатолий Уткин

СССР в осаде

«Алисторус»

2010

Уткин А. И.

СССР в осаде / А. И. Уткин — «Алисторус», 2010 — (Проект «АнтиРоссия»)

Анатолий Иванович Уткин (1944–2010) – крупнейший российский историк и политолог, специалист в области международных отношений, признанный эксперт по внешней политике США, советник Комитета по международным делам Государственной думы. В этой книге автор подробно описал беспрецедентную в истории политику Запада во второй половине XX века, направленную против российского государства. Военное, экономическое и дипломатическое давление на нашу страну были настолько велики, что с полным правом можно говорить об «осаде СССР-России» Западом. Книга А.И. Уткина базируется на огромном количестве иностранных источников, в том числе эксклюзивных.

© Уткин А. И., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Введение	5
Глава I	10
Трумэн	10
Мир Трумэна	12
Стратегический курс	16
Визит Молотова	18
Экономические рычаги	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анатолий Иванович Уткин

СССР в осаде

Введение

Под влиянием победившего в холодной войне Запада ныне это явление подается как результат вторжения России во внешний для нее мир, как попытку Москвы завладеть контрольными позициями во второй половине 1940-х годов как в Европе, так и в Азии. Ничего не может быть дальше от правды, чем такое изображение периода, последовавшего после окончания Второй мировой войны.

Прежде всего следует сказать, что любой серьезный историк неизбежно по ходу анализа Второй мировой войны делает вывод, что колоссальный конфликт создавал грандиозный силовой вакуум в Европе, и у всех наблюдателей исчезали сомнения в том, что мощь России и ее потенциал становились первостепенными факторами складывающейся в результате войны международной системы. Так, в частности, полагал американский президент Рузвельт. Он говорил, что Россия более не может рассматриваться как аутсайдер мировой политики. В сложившейся ситуации Рузвельт считал Советский Союз не неким социалистическим авангардом, а геополитическим фактором, имеющим свои интересы. Рузвельт подчеркивал важность государственных императивов, а не роль идеологии. Он считал ложным постулат, что жесткая внутренняя политика неизбежно ведет к жесткой внешней политике. Не видя в России революционный авангард, Рузвельт создал так называемую «ялтинскую аксиому» – Великий военный союз мог продолжать действовать и после окончания Второй мировой войны, подчиняясь нормам поведения, приемлемым для всех сторон. Рузвельт знал, что после окончания войны СССР будет поглощен задачами восстановления и будет отчаянно нуждаться во внешней помощи, ценя при этом стабильность, порядок, мир. Самый выдающийся президент США в XX веке считал предотвращение взаимного недоверия одной из главных своих задач.

Довольно рано Рузвельт пришел к умозаключению, что новые советские границы включают в себя часть польской территории, Бессарабию, балтийские государства и часть Финляндии. Он знал теперь, что российское влияние проникнет глубже в Европу. В таких обстоятельствах было бы бесполезным противостоять непосредственным целям Сталина, поскольку в его силах было завладеть этими землями при любых обстоятельствах. Лучше было постараться смягчить характер советского влияния. «Единственным практическим курсом было бы попытаться улучшить ситуацию в целом». В том же духе Рузвельт пришел к умозаключению, что «мир нужно видеть таким, какой он есть; Россия обеспечит интересы своей безопасности вокруг своих границ. По некоторым вопросам было бы не только бессмысленно, но и, собственно, опасно принуждать Россию следовать американской воле».

«Двуязычие» было характерно и для Черчилля, чье сознание буквально делилось надвое. Это было заметно для непосредственного окружения. Лорд Галифакс в 1942 г.: «Не могу не восхититься быстрыми переменами фронта Уинстона в отношении России. За предложение Идена найти компромисс со Сталиным он назвал его всеми словами от собаки до свиньи, а сейчас предлагает президенту [Рузвельту] сделать подобное же предложение Сталину». После встречи в Москве в 1944 г. доктор Моран заметил, что премьер-министр «кажется раздвоенным между двумя линиями действий... В один час он готов просить президента создать общий фронт против коммунизма, а в течение следующего часа он готов просить Сталина о дружбе. Иногда эти линии сменяют друг друга с поразительной быстротой».

* * *

Мы видим, как два главных западных политика XX века в конце концов приходят к выводу, что Россия нуждается в «поясе безопасности». Однако окончание Второй мировой войны подорвало связующую нить коалиции – ненависть к германским и японским агрессорам. Осталось ли нечто, что могло спасти великий военный союз на долгие мирные времена, в процессе строительства нового мира? С неделями и месяцами второй половины 1945 г. становилось ясно, что один из членов коалиции – Соединенные Штаты – решил идти собственным путем, реализуя свое видение мира будущего. Вашингтон поставил перед собой весьма амбициозные задачи: остановить сдвиг мировых сил влево, вернуть состояние дел в мире максимально близко к довоенному, ворваться на рынки освобожденных от влияния Германии и Японии государств, сделать ООН инструментом своих полицейских акций. Кто стоял на пути непомерных амбиций США, не желая взять на себя роль сателлита? Только одна страна – Советский Союз, возвышавшийся в новой мощи между руин Германии и Японии.

И если Советский Союз принес максимум жертв на алтарь общей победы, то Соединенные Штаты пожертвовали в только что закончившейся войне значительно меньше. Их территория не пострадала, а молодое поколение вернулось домой к невиданным высотам благосостояния. Редко в мировой истории одна страна получала такое неслыханное могущество – на фоне обесиленной Западной Европы, лежащей в ядерном пепле Японии и рухнувшего социального порядка в Восточной Европе. Всякое равновесие разрушилось, США безусловно доминировали в мире.

Три цели стояли перед новым Вашингтоном как перед самопровозглашенным центром мира: проблема самостоятельности большого и победоносного Советского Союза; создание плотины на пути левых сил в мире с сохранением базовых основ прежнего порядка; замена западноевропейского колониализма новой международной системой, базирующейся на Организации Объединенных Наций.

В пик СССР встали три элемента американского самосознания:

- Идеология и политика президента В. Вильсона («вильсонизм»), выработанная еще после Первой мировой войны. Вильсонизм, основа американской внешней политики в XX веке, стремился ликвидировать прежнюю основу мировой политики – баланс сил, раздел мира на сферы влияния и т. п., а вместо нее спроецировать на мир американские ценности – ценности либерального общества.

- Своеобразная интерпретация советских целей. СССР представили образом мирового революционного центра, мессиански направленного на мировое могущество. Теоретики, придерживающиеся этой точки зрения, жили (до признания Америкой Советского Союза) в латвийской столице Риге, поэтому такая интерпретация получила название «рижской аксиомы»; именно «рижская аксиома» заложила основание антикоммунистического консенсуса в 1945–1949 годах. Один из апологетов «рижской аксиомы» – Чарльз Болен пишет в 1949 г.: «Я убедил себя и всех тех, кто целенаправленно работает над проблемами отношений с Советским Союзом, что причины противоречий между Советским Союзом и несоветским миром происходят из характера и природы советского государства, его доктрин, а вовсе не из-за ленд-лиза или займов». Взгляды подобного рода исключали возможность дипломатического разрешения проблем, они делали такие попытки опасными, ибо противостояние в холодной войне представлялось как генетически predetermined революционным, мессианским характером Советского Союза.

Такая доктрина являлась выражением американского отношения к внешнему миру. Если американские интересы оказывались касающимися всего мира, то проявление любой советской активности за пределами границ СССР виделось угрозой Америке. При этом любая

форма компромисса представлялась «умиротворением» – дурным словом после Мюнхенского сговора 1938 г.

* * *

В Восточной Европе, более чем в каком-либо другом регионе американцы усмотрели опасность того, что они назвали советским экспансионизмом. Между тем для непредубежденного наблюдателя было достаточно ясно, что именно война окончательно и бесповоротно уничтожила традиционные восточноевропейские политические и экономические структуры, и ничто, что Советский Союз мог сделать, не в силах было изменить этого факта, ибо не Советский Союз, а лидеры «старого порядка» в Восточной Европе сделали этот коллапс неизбежным. Русские могли работать в новых структурных ограничениях самыми различными способами, но они не могли выйти за пределы новой реальности.

Более осведомленные, чем кто-либо относительно своей слабости в случае конфликта с Соединенными Штатами, русские пошли достаточно консервативным и осторожным путем повсюду, где могли найти местные некоммунистические группы, согласные на отказ от традиционной политики санитарного кордона и антибольшевизма. Они были готовы ограничить воинственных левых и правых, и, принимая во внимание политическую многоликость региона, они питали не больше, но и не меньше уважения к не рожденной еще функциональной демократии в Восточной Европе, чем американцы и англичане продемонстрировали в Италии, Греции или Бельгии. Ибо ни американцы, ни англичане, ни русские не желали позволить демократии возобладать где-либо в Европе за счет важнейших стратегических и экономических интересов. Русские не намеревались большевизировать в 1945 г. Восточную Европу, если они могли найти альтернативу.

Если бы это было не так и Сталин стремился бы распространить социализм на всю Европу, то он, как минимум, готовил бы соответствующие правительства для потенциальных кандидатов от Норвегии до Турции. Между тем все правительства, с которыми он в конечном счете имел дело, выпестовывались независимо или в совсем других местах. Показателен пример Эдварда Бенеша. Не был «старой заготовкой» Болеслав Берут, не говоря уже о послевоенных министрах венгерского, румынского, болгарского и прочих правительств.

Америка же предвосхищала восточноевропейским странам положение зависимых от западноевропейского центра государств. США считали Восточную Европу участником мирового разделения труда на положении поставщика самых примитивных продуктов и сырья. Свобода и демократия были своего рода «вторым эшелонном» соблазна; первым был допуск на рынки развитых стран.

То, что «старый порядок» уже совершил самоубийство в Восточной Европе и Восточной Азии, практически не принималось вашингтонскими стратегами во внимание. Лишь интервенция извне спасла капиталистический порядок в ряде оккупированных стран. Американцы и англичане создали прецедент в Италии в 1947 г. На виду у всего мира американцы уничтожили совместный характер Союзных контрольных комиссий в надежде на то, что мощь Запада сдержит революционные перемены и создаст контролируемую Западом демократию.

Именно нежелание видеть полный крах старого, довоенного порядка, а также стремление ограничить сферу влияния Советского Союза в послевоенном мире заставило Соединенные Штаты отказаться от подлинно простого, сурового и жесткого мира с Германией и Японией. К концу войны влиятельная часть американской элиты пришла к той точке зрения, что полный крах Германии и Японии послужит на пользу только России. Влиятельные американские политики пришли к той точке зрения, что остаточная германская и японская мощь могут понадобиться для уравнивания советской мощи. В этом смысле Вторая мировая война стала казаться американскому правительству трагической ошибкой, потому что империалистиче-

ские Германия и Япония стали казаться предпочтительнее в качестве спутников в будущем, чем СССР.

* * *

Был ли Советский Союз с его специфической идеологией и политической системой причиной распада мира победителей на блоки и начала холодной войны? Чем больше мы узнаем о процессе возвышения США, тем значительнее сомнения в такой демонизации Советской России. Трудно не согласиться с, возможно, лучшим западным исследователем данного вопроса Дж. Л. Геддисом: «Не многие историки готовы отрицать сегодня, что Соединенные Штаты были намерены доминировать на международной арене после Второй мировой войны задолго до того, как Советский Союз превратился в антагониста». Представляя исследовательский центр «РЭНД корпорейшн», американский аналитик К. Лейн не без основания утверждает, что «Советский Союз был значительно меньшим, чем это подавалось ранее, фактором в определении американской политики. На самом же деле после Второй мировой войны творцы американской политики стремились создать ведомый Соединенными Штатами мир, основанный на превосходстве американской политической, военной и экономической мощи, а также на американских ценностях». Несогласие огромного мира с абсолютным доминированием США и повело мировое сообщество к холодной войне.

Резюмируем. В конце Второй мировой войны в Вашингтоне утвердились несколько аксиом. Первая. Европа после периода 1914–1945 гг. ослабла радикально и надолго. Центр мира переместился за океан; американцы утвердятся на всех континентах и предложат свои решения основных проблем от Филиппин до Греции. Новый американский интервенционизм получит массовую поддержку в США.

Второе. США заполняют вакуум, образовавшийся после крушения Германии и Японии. В Европе американскими сателлитами станут союзники и жертвы Германии. Поражение же Японии выдвинет вперед в Азии сателлита американцев Чан Кайши и всех потенциальных партнеров воинственного Токио по «великой азиатской сфере сопроцветания». Тихий океан превратится в американское озеро, а окружающие народы будут получать от американцев все – начиная с конституции и кончая долей американского рынка.

Третья аксиома: Россия, ощутившая благоприятные стороны ленд-лиза, будет смиренно ждать помощи и в более широком смысле. Она будет строить свою безопасность на основе дружественности Америки, у нее не будет альтернативы следованию в фарватере США. Ослабленная чудовищными испытаниями, Москва вынуждена будет пойти на любые уступки при решении германского вопроса, на Балканах, в Польше, на Дальнем Востоке. А иначе ей не видать экономической помощи при восстановлении страны, не получить весомой доли репараций из Германии. Она лишится полностью влияния в таких странах, как Иран, и не получит прежде обещанной помощи в турецких проливах.

Четвертая аксиома. Атомное могущество нивелирует любые попытки подорванных войной великих держав восстановить долю мирового баланса. Отсталой стране, такой как Россия, понадобятся многие десятилетия для создания своего «абсолютного» оружия, русским не под силу пройти путь американской науки 1939–1945 гг., требующий чудовищной концентрации ресурсов и адекватных научных кадров. Атомная бомба станет неоспоримым аргументом американской дипломатии, тем «kozyрным тузом», который поможет Америке во всех спорных вопросах.

* * *

Такой американский анализ послевоенного мира оказался упрощенным. Предлагать американские рецепты развития по всему миру окажется накладно и, как покажет Вьетнам, невозможно даже для такого гиганта, как Америка. Без согласия США великий Китай пошел своим путем в 1949 г., Индия в 1950-е годы, колониальные народы в ходе деколонизации 1960-х годов. В заполнении германо-японского вакуума примут участие другие народы, для которых американские решения не выглядели оптимальными. Цена экономической помощи США, Россия все же не соблазнится обменять ее на независимость. Атомное оружие оказалось эффективным как научное изобретение, но не показало ожидаемой эффективности в дипломатических дебатах.

Двойной стандарт, когда свои интересы священны, а чужие едва ли не бессмысленны, породил холодную войну. Ради силового противостояния Москве Америка не только разрушила в конце 1940-х годов союз военного времени, но пошла на немислимые меры: заново вооружила Германию, создала Североатлантический союз, постаралась осуществить контроль над мировым экономическим развитием.

Именно России (а не противостоящей стороне) пришлось ликвидировать барьеры между двумя мирами, подписав в 1990 г. Договор об обычных вооружениях (лишавший ее безусловного превосходства на европейском театре), распустив Организацию Варшавского Договора, уничтожив Совет экономической взаимопомощи, объединив Германию, – чтобы снова, теперь на рубеже XX и XXI веков, убедиться в том, что не антикоммунизм, а геополитические интересы превалят в американском мышлении.

Глава I От союза к конфронтации

Трумэн

К тому времени, когда президентом США стал Г. Трумэн, Америка окончательно порвала с «изоляционизмом», встав на путь широкого участия в разрешении военных и политических проблем стран и регионов, отстоявших от ее территории на тысячи километров. Промышленное производство США в годы войны неуклонно возрастало: 101,4 млрд. долл. в 1940 году и 215,2 млрд. долл. в 1945 г. Уровень накоплений достиг астрономической суммы – 136 млрд. долл. Это обеспечивало основу для активной внешней политики. Была развернута двенадцатимиллионная армия. Участие в борьбе со странами «оси» – Германией, Италией, Японией – создавало в определенной мере благоприятный для правящих кругов политический климат внутри страны. Хозяин Белого дома получал большой кредит для проведения инициативной внешней политики.

Едва ли можно отказать Г. Трумэну в уме, цепкости, напористости, равно как и не отметить его злопамятство, волюнтаризм, слабую осведомленность, отсутствие широкого кругозора. Сравнить Г. Трумэна с Ф. Рузвельтом не берутся даже апологеты Трумэна, слишком уж различен был опыт, окружение, кругозор, сам масштаб личностей двух президентов.

«Мы не узнаем, каков он на самом деле, пока не увидим его в условиях давления исторических обстоятельств», – сказал генерал Джордж Маршалл военному министру Генри Симсону, когда они возвращались после первой встречи с новым президентом в Белом доме. «Никто не знает, что представляют собой взгляды нового президента», – заметил Симсон. Министр финансов Генри Моргентау: «Это человек большой нервной энергии, и, кажется, он расположен быстро принимать решения. Но он, прежде всего, политик, и что у него в голове, мы узнаем лишь со временем».

Основной задачей, намеченной на послевоенный период, было: после победы над военными противниками в Европе и Азии обеспечить контроль над территорией поверженных врагов, предвоенных конкурентов, достичь доминирования в лагере «западных демократий», противопоставить друг другу СССР и Китай.

Новый президент воспринял эти цели и привнес свои методы в их достижение. Многие недооценили его, не заметили твердого и упорного характера. Равно как и кричащей неинформированности и отсутствия международного опыта. Знавший Трумэна лучше, чем очень многие, Гарри Гопкинс отметил, что тот «почти ничего не знает о международных делах».

Трумэн придерживался традиционных вильсоновских взглядов, то есть не признавал раздела мира на отдельные зоны влияния. Трумэну трудно было поверить, что поведение СССР могло диктоваться стремлением Москвы к обеспечению безопасности. Этот президент не мог себе представить, как другие страны могут опасаться «столь миролюбивых» Соединенных Штатов. Прямолинейность заставляла его всегда рисовать черно-белую картину, создавать контрастное видение происходящего. Всевозможные тонкости казались ему крючкотворством; дипломатические интриги были ему ненавистны. Трумэн сам признавал, что его удручают детали.

* * *

Президент Г. Трумэн, не обладая достаточным опытом в области внешней политики, не испытывал особых желаний вступить в круг «большой тройки». Психологически это объяснимо и понятно. Обычно встречи в верхах предполагали выработку некоего – хотя бы в самом общем виде – совместного видения мира и развития мировых событий. Глава американского правительства поздней весной 1945 г. не хотел обсуждать ни с кем, каким станет мир будущего.

Было ясно, что Великобритания в качестве равного партнера исчезла надолго, вероятнее всего, навсегда. Дни Британской империи были сочтены, доминионы обрели фактическую независимость, колонии боролись за нее. Как писал американский историк Р. Донован, «великие дни Британской империи ушли в прошлое. Британская экономика была в упадке, а вооруженные силы перенапряжены. Теперь уже над империей Трумэна не заходило солнце».

Президенту Г. Трумэну отнюдь не импонировала предстоявшая встреча с У. Черчиллем по сугубо личным соображениям. Британский премьер не мог смотреть на «миссурийского новичка» без сарказма. У. Черчилль был первым лордом британского адмиралтейства, когда Г. Трумэн служил рядовым в национальной гвардии штата Миссури. У. Черчилль был министром колоний, когда Г. Трумэн торговал мужской одеждой в Канзас-Сити. Премьер-министр Великобритании уже после первой встречи с Г. Трумэном отметил одну существенную черту нового американского президента. Отвечая на вопрос своего врача, лорда Морана, о его способностях, Черчилль сказал: «Он не замечает тщательно ухоженного участка земли, он просто... его топчет».

Мир Трумэна

Трумэн нуждался в быстрой ориентации. Вокруг было немало советников Рузвельта, но президент унес с собой в могилу самые сокровенные замыслы – он был подлинным и единоличным главой американской внешней политики. Если Гопкинс и напоминал полковника Хауза при президенте Вильсоне, то именно в этот момент почти полная потеря здоровья лишила его необходимой энергии.

Восприятие мира Трумэном зиждилось на том, что у всех международных кризисов есть вполне определенный источник – СССР, неуправляемая и непредсказуемая страна. Второй «кит» внешнеполитического кредо Г. Трумэна – абсолютная уверенность в том, что все мировые и региональные процессы имеют прямое отношение к Америке и могут получить из ее рук справедливое решение.

Находясь на перекрестке двух дорог – либо продолжение союза пяти стран – главных участников антигитлеровской коалиции, при котором США пришлось бы считаться с мнением и интересами своих партнеров, либо безусловное главенство как минимум над тремя из них (Великобританией, Францией, Китаем), Г. Трумэн без долгих колебаний избрал второй путь, обещавший ему эффективное руководство западным миром и дававший надежду на то, что силовое преобладание Запада склонит к подчинению обескровленный войной Восток.

Не вызывало особого доверия и окружение нового президента. Американский историк Р. Феррел не одинок в своем утверждении, что «ни одна из администраций со времен президента Дж. Тайлера не вызывала меньше иллюзий, чем группа сторонников Г. Трумэна, утвердившаяся в Вашингтоне».

Выделяются четыре источника доходившей до Трумэна информации.

Во-первых, У. Леги. Почти сразу же по принятии присяги Трумэн попросил адмирала Уильяма Леги остаться на посту начальника штаба президента, «чтобы продолжить бизнес войны». Леги был профессиональным военным и придерживался известных консервативных взглядов. Он вообще подозрительно относился к иностранцам. Будучи специалистом по взрывчатым веществам, Леги до последнего не верил в реальность атомной бомбы. Во внешнем мире он хладнокровно и стопроцентно ненавидел Советский Союз. Коммунизм он считал ругательным словом, и это понятие вызывало у него «гнев и ярость». В Ялте он был недоволен общим течением дискуссий, он полагал, что принимаемые соглашения «делают Россию доминирующей силой в Европе, которая несет в себе определенность будущих международных разногласий и перспективу следующей войны». Адмирал Леги ведал подготовкой персоналом «комнаты карт» разъяснительных документов для нового президента, делая при этом особый акцент на Польше и на спорах относительно переговоров в Швейцарии по поводу сдачи германских войск в Северной Италии. Представляя своих сотрудников Трумэну 19 апреля 1945 г., Леги сконцентрировался на «оскорбительном языке» Сталина по поводу швейцарских переговоров и был удовлетворен тем, что телеграммы Сталина вызвали «солидный старомодный американизм», возмущение нового президента.

Во-вторых, А. Гарриман – посол Соединенных Штатов в Советской России, видевший Сталина чаще, чем любой американец. В ходе войны Гарриман верил в послевоенное сотрудничество Америки с Россией. «Русские будут сотрудничать в создании послевоенного мира несмотря на то, что их поведение – грубое и ужасное по нашим стандартам». В марте 1944 г. Гарриман пишет: «Несмотря на все противоположные соображения, нет никаких доказательств того, что Сталин не желает возникновения независимой Польши». Летом 1944 г. он уже сомневался в этом суждении. Варшавское восстание поколебало его уверенность основательно: русские ожидают, когда немцы сокрушат восставших антисоветских, ориентированных на Запад поляков. «В первый раз со времени прибытия в Москву я серьезно обеспокоен пове-

дением советского правительства. Эти люди упиваются политической властью. Они думают, что могут навязать свои решения нам и всем прочим» (телеграмма в Вашингтон).

На посла с этого времени начинает воздействовать молодой дипломат и яркий представитель «рижской аксиомы» Джордж Кеннан, прибывший в американское посольство в Москве в 1944 г. Они подолгу беседовали в поисках ответов на «удручающие процессы» советской внешней политики. Кеннан позже писал, что он отстаивал идею «полномасштабного и реалистичного выяснения отношений с Советским Союзом в Восточной Европе». (Из доклада 1946 г. следует, что во время пребывания Гарримана послом попытки Кеннана формулировать и рекомендовать твердую политику были совершенно определенно отвергнуты Гарриманом.)

Во время Ялты Кеннан писал Болену, что, если Запад не пожелает разочаровать Советский Союз, тогда останется только разделить Германию, разделить континент на зоны влияния и определить «линию, за пределами которой мы не можем позволить русским осуществлять неограниченное влияние или предпринимать односторонние действия». Эта точка зрения и вызрела, в конечном счете, в доктрину сдерживания. Кеннан просил Гарримана о жесткости. Сознание Гарримана как бы раздваивалось: сотрудничество с Россией возможно; но оно возможно лишь в случае подчинения русских общим американским идеям.

После Ялтинской конференции, когда появились грозные облака над Балканами и произошло ожесточение в польском вопросе, Гарриман наполняется прежде невиданной энергией. Его дочь пишет об отце из Москвы: «Он очень занят – проблемами Польши, военнопленными, Балканами. В доме постоянно слышен топот ног, голоса и звонки телефонов, дребезжащие всю ночь до рассвета». Важно то, что Рузвельт продолжал отвергать алармистскую интерпретацию Гарримана и отказывался вызвать своего посла в Вашингтон для детального доклада.

Особые обстоятельства – смерть президента Рузвельта и решение Сталина послать в Сан-Франциско (на конференцию по созданию ООН) Молотова – дали Гарриману возможность возвратиться в Вашингтон и лично защитить свои новые, более жесткие позиции, одновременно устанавливая связи с новым президентом. Молотов полетел более безопасным путем, через Сибирь и западное побережье США, теряя тем самым два дня, которые посол Гарриман использовал довольно эффективно. Он прилетел через Атлантику в весьма нервном состоянии – тик правого глаза, – но убежденный в необходимости своих контактов с новым президентом. Первые слова в уже морально подготовленном госдепартаменте: «Русские планы создания стран-сателлитов являются угрозой миру и нам». У Соединенных Штатов есть гигантский – экономический рычаг воздействия на Советский Союз. Гарриман предупредил министра военно-морских сил Джеймса Форрестала, что «мы должны встретить идеологический крестовый поход так же энергично как фашизм и нацизм». Гарриман сказал новому президенту, что Соединенные Штаты стоят перед угрозой «нашествия в Европу варваров».

Президентское восприятие, склонность к категоричным суждениям и энергичному напору произвели впечатление на Гарримана. Но он все же смотрел на мир шире. Его волновали мысли: какое влияние окажет польский вопрос на открывавшуюся в Сан-Франциско конференцию, призванную создать Организацию Объединенных Наций? Пойдут ли США на создание мировой организации, если русские откажутся войти в нее? Глобальное вовлечение требовало наличия международных инструментов соответствующего калибра, неучастие СССР выбивало из-под основания ООН (которую США видели каналом своего воздействия на мир) одну из самых существенных опор. «Правда, – ответил после раздумья президент, – без русских от мировой организации (ООН. – А. У.) мало что останется».

Третий канал воздействия – Эдвард Стеттиниус. Стеттиниус стал председателем компании «Ю.С. Стил» в 38 лет. Все отмечали его привлекательность, открытую улыбку и рано поседевшие волосы. В госдепартаменте, который он возглавил, его называли «большой брат Эд». Рузвельт поставил этого относительно слабого политика ради концентрации всей внешнеполитической власти в собственных руках в конце 1944 г. Это был опытный председатель, специа-

лист в общественных отношениях, но отнюдь не дипломат. Иногда Стеттиниуса интересовали детали, а не суть. И все же не стоит преуменьшать его влияния. Он возглавлял могущественный государственный департамент.

И вот что сообщает госдепартамент президенту Трумэну 13 апреля 1945 г.: «Со времени ялтинской конференции советское правительство заняло твердую и бескомпромиссную позицию почти по всем главным вопросам». Стеттиниус при этом продолжал разделять ялтинский оптимизм; он полон ожидания позитивного воздействия создаваемой Организации Объединенных Наций, чье рождение ожидалось в Сан-Франциско. Стеттиниус определенно смягчал позицию нескольких профессиональных дипломатов. В конечном счете госсекретарь Стеттиниус и Директор европейского отдела Фримэн Мэтьюз согласились в следующем: «Примечательные негативные перемены настроения, последовавшие после окончания конференции, могут быть объяснены влиянием политических лидеров, с которыми Сталин вынужден был считаться по возвращении в Москву. Возможно, эти лидеры сказали Сталину, что он «слишком многое отдал» в Ялте. Эти лидеры являются эквивалентом наших изоляционистов». Оба американца придерживались высокого мнения о Сталине лично. Мэтьюз сказал, что Сталин является единственным диктатором, имеющим чувство юмора.

Четвертый источник воздействия на президента Трумэна являли собой англичане. По мере приближения войны к концу они занимали все более жесткую линию в отношении СССР. На Черчилля и его окружение оказывали постоянное воздействие лондонские поляки – и в целом польский вопрос был главным для Лондона. Для Трумэна престиж Черчилля был огромной величиной. В отличие от Рузвельта, ему было трудно противостоять мировому влиянию британского премьера и тому, что Черчилль скромно называл «нашим впечатлением от того, что на самом деле происходит в Москве и Варшаве». Черчилль нуждался в Трумэне, а Трумэн – в помощи британского премьера. Нет сомнений, что для прежнего сенатора из глубинного штата Миссури Черчилль был величиной наполеоновского масштаба, и он относился к нему – по крайней мере, на первом этапе – с должным пиететом. Первые же слова Черчилля Трумэну раскрывают суть его подхода: «Важно как можно скорее показать миру единство наших взглядов и действий».

У Трумэна сложились неплохие рабочие отношения с министром иностранных дел Энтони Иденом, с которым у президента состоялись две встречи, в результате которых англосаксы нашли общую линию в польском вопросе. Иден заявил, что у Лондона никогда не было более тесных отношений с Вашингтоном. Иден выразил ту точку зрения, что Советский Союз следует «повернуть лицом к реальностям» и заставить признать «англо-американскую мощь». У следующего в Сан-Франциско Идена были и более конкретные поручения: передать президенту Трумэну «наши впечатления о происходящем в Москве и Варшаве». Английский министр иностранных дел встретился с президентом дважды.

Черчилль с нетерпением ждал сообщений из Америки и облегченно вздохнул, когда развернул телеграмму Идена: «Новый президент США будет неустрашим в отношении Советов». Черчилль Идену 20 апреля: «Он не склонится перед Советами. Надеюсь на продолжительную дружбу с русским народом, тем не менее я полагаю, что она может быть основана только на признании мощи англо-американцев».

* * *

Итак, четыре источника – Леги, Гарриман, Стеттиниус и Черчилль – оказали решающее воздействие на относительно неопытного президента, на официальный курс Соединенных Штатов. По существу в тот решающий период у Трумэна были четыре авторитета, основываясь на взглядах которых он формировал свою дипломатию: адмирал Леги, стоявший значительно жестче и правее основного состава советников и министров; посол Гарриман, который более

всего боялся, как бы либерал из глубинки Трумэн не оказался слишком мягким; госсекретарь Стеттиниус, покидающий федеральную службу – не сомневавшийся в том, что Трумэн назначит собственного главу внешнеполитического ведомства; четвертым источником информации, идей и концепций для Трумэна стал всеми признанный мастер своего дела Уинстон Черчилль. Британский лев не упустил золотой возможности воздействовать на взгляды нового лидера Запада.

Разумеется, были и другие источники, влиятельные при Рузвельте. К примеру, Гарри Гопкинс говорил Трумэну, что Сталин – это «прямолинейный, грубый, упорный русский... С ним нужно говорить откровенно». Но в эти дни и недели Гопкинс ослабевает и жестоко болеет, его помещают в клинику Мэйо. В этом состоянии фаворит Рузвельта не мог оказать большего воздействия на президента, чем его энергичные конкуренты. В больнице же был и Джозеф Дэвис. Бернард Барух послал Трумэну меморандум, в котором призвал «попытаться понять» русских. Неизвестно, читал ли этот меморандум Трумэн, – но в любом случае гораздо больше людей в окружении президента высказывали бескомпромиссные взгляды.

Стратегический курс

Пока события мировой войны делали комплекс международных отношений податливым для перемен, следовало создать легальные инструменты американского воздействия на опустошенный мир. Так или примерно так думали американские политики. Что было уже сделано в этом плане? Созданный в 1944 г. Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР) закрепили уникальное положение доллара в мире, усиливали зависимость ориентирующихся на мировой капиталистический рынок стран от США, превратившихся в гаранта этого рынка. Валюты этих стран теперь непосредственно были связаны с долларом, стабильность их зависела от стабильности американского доллара.

МВФ, МБРР и доллар давали ключи для воздействия на дружественные Соединенным Штатам и подчиненные им страны. Существовали, однако, государства, не затронутые экономическим «притяжением» Вашингтона. Прежде всего, разумеется, это относилось к Советскому Союзу, в значительной мере это также относилось к удаленным от мирового капиталистического рынка странам.

Не повторять ошибки 1919 г., не уходить из внешнего мира, из Восточного полушария, – этот лозунг имел свои привлекательные для американского капитала черты и пользовался известной популярностью в деловых и политических кругах страны. Но он предполагал не просто присутствие в нескольких критически важных районах, но и контроль над происходящими в них процессами. Взять на себя ответственность за порядок в этих районах означало, как минимум, следующее: собственные американские представления о порядке в мире возводились в абсолют; проблемы данных регионов рассматривались с меркой их соответствия американским интересам.

Взяв курс на проведение политики контроля над отдаленными регионами, США не могли не натолкнуться на сопротивление: американская политика проводилась все-таки не только среди «вассалов» и поверженных, но и среди суверенных стран, которым нужно было либо переходить на положение подопечных, либо противостоять натиску американской дипломатии. Политика установления американского контроля над Европой сразу же натолкнулась на сопротивление самого крупного военного союзника США – Советского Союза.

* * *

США, мягко говоря, специфически относились к СССР как к союзнику. В великой антигитлеровской коалиции номинально все три основных участника (СССР – Великобритания – США) были равны, а в реальности американская сторона делала большое различие между своими британским и советским союзниками. В Вашингтоне находилось совместное американо-британское военное командование, объединенный комитет начальников штабов; на европейском фронте британские войска подчинялись американскому командованию. Британия с ее населением более чем в три раза меньшим, чем население СССР, пострадавшая от военных действий несравнимо меньше СССР, получила в три раза больше товаров по ленд-лизу; англичанам был гарантирован заем на послевоенное восстановление; американцы делились с ними своими военными секретами. Первая оккупированная вражеская страна – Италия стала показателем так называемого «равенства» трех великих союзников: американо-английская администрация не включила представителей СССР в органы управления этой страной. Можно назвать и другие проявления пристрастности и нелояльности США как военного союзника.

Эти обстоятельства не подорвали решимости советского руководства сохранить союз военных лет, желание продолжать укреплять советско-американские связи. Важное значение имели и поставки по ленд-лизу, а также обещанный американской стороной шестимиллиард-

ный послевоенный заем. Главное же – без согласия двух стран невозможен был прочный мир. Советский Союз предлагал Соединенным Штатам сотрудничество в условиях мирного сосуществования. Однако поворот в американской политике сделал очевидными посягательства на жизненные интересы Советского Союза, что предопределило ухудшение американо-советских отношений.

Понеся огромные потери в борьбе против гитлеризма, Советский Союз не менее, а более, чем США, нуждался в безопасности. И если безопасность своего прежнего союзника рассматривалась Соединенными Штатами как второстепенный вопрос, то это говорит лишь о близорукости и исключительной самоуверенности ослепленных своим могуществом проводников американской политики, пытавшихся обращаться с СССР как с обреченной на зависимость страной.

На международной арене с поворотом США к интервенционизму сложилась парадоксальная ситуация. Одна страна – Соединенные Штаты, официально выдвигая в качестве своей цели обеспечение собственной безопасности, объявила о своей заинтересованности во всей «внешней сфере», то есть во всем огромном мире. Другой стране – Советскому Союзу было отказано в обеспечении безопасности собственных границ.

Визит Молотова

Самолет с Молотовым приземлился в Вашингтоне в воскресенье, 22 апреля 1945 г., и состоялась относительно краткая и вежливая беседа Молотова с Трумэном. Она была даже сердечной. Утром перед второй встречей – 23 апреля государственный секретарь Стеттиниус, вооруженный специальным аналитическим докладом, созданным Элбриджем Дерброу, заверил англичан, что, в случае прогресса на переговорах, он «мобилизует президента для разговора с Молотовым в манере «голландского дядюшки»». Президент вызвал для подготовки к встрече с Молотовым военного министра Стимсона. «Безо всяких предупреждений я окунулся в одну из самых сложных ситуаций в моей жизни», – записал Стимсон в своем дневнике.

Находясь под перекрестным огнем аргументов в пользу позитивного сотрудничества и доводов, говорящих о преимуществе силового давления, президент Трумэн созвал 23 апреля 1945 г. совещание, цель которого заключалась в том, чтобы найти ответ на возникавшую на горизонте американской внешней политики проблему отношений с СССР.

Трумэн действовал неожиданно с самого начала. Он построил встречу так, что вначале излагал свои взгляды по данному вопросу, а затем фиксировал ответы и комментарии противостоящей стороны. После Рузвельта это был неожиданный прием. Как и тональность встречи. Сказанные на подготовительном совещании, его слова звучат грубо и неожиданно резко – по отношению к самому жертвенному союзнику – даже сейчас, спустя много лет. «Наши соглашения с Советским Союзом до сих пор являли собой движение в одну сторону, и такое движение не может продолжаться; это следует решить сейчас или никогда». Трумэн сказал, что он готовит планы к Сан-Франциско и что «если русские не хотят присоединиться к нам, пусть идут к черту».

Для большинства участников совещания это была первая деловая встреча с Г. Трумэном. Президент начал с того, что охарактеризовал Ялтинскую конференцию как улицу с односторонним движением, где уступки делала лишь американская сторона. Многие из присутствующих гораздо лучше были осведомлены о ходе работы этой конференции и знали многое о компромиссном характере ее соглашений, о многих уступках, сделанных в ходе ее работы с советской стороны. Но перед ними выступал носитель высшей политической власти, их непосредственный руководитель, и его оценки не могли не влиять на позицию присутствующих.

Военный министр Г. Стимсон, без сомнения, был самым опытным политическим деятелем среди тех, кто участвовал в этом совещании. Он воззвал к здравому смыслу и сдержанности. Нужно выяснить суть советских намерений, узнать, к чему они стремятся. Если же Соединенные Штаты, по своему оценив польский вопрос, очертя голову бросятся на путь конфронтации, то долгом его, Стимсона, является предупредить, что США «войдут в опасные воды». Точка зрения Г. Стимсона была поддержана начальником штаба американской армии генералом Дж. Маршаллом. Генерал Маршалл был далек от альтруизма. Его заботила кампания на Дальнем Востоке, где Советская Армия могла решающим образом помочь американским войскам избежать крупных потерь во время предстоявшей кампании против Японии. Ведь в воле советского руководства было отложить выступление против Квантунской армии и предоставить американцам самим проделать всю эту работу (Советский Союз, как намекал по существу Маршалл, мог бы последовать в этом отношении примеру США, не спешивших с открытием второго фронта в Европе). Разрыв с Советским Союзом имел бы, по мнению Дж. Маршалла, самые серьезные последствия. Адмирал У. Леги присоединился также к мнению, что разрыв отношений с СССР будет иметь самые серьезные последствия.

Собственно, Стимсон ужаснулся. Он полагал, что неловкость госдепартамента и нарочитый американский акцент на «идеализм» и «альтруизм» (вместо столь необходимого «реализма») произвели взрывную смесь. Посол Гарриман и американский военный представитель

Джон Дин явно преувеличили имеющиеся разногласия, переведя их в разряд первостепенных проблем. Теперь американская сторона решительно двигалась к столкновению. Стимсон попытался замедлить этот кризисный бег. Он попытался добавить несколько пунктов: политическая демократия нелегко создается в обществах, лишенных демократических традиций; только Соединенные Штаты и Объединенное Королевство «имеют реальное представление о независимом и свободном голосовании». Стимсон напомнил, что по ключевым вопросам русские всегда держали свое слово, и военным кругам США не раз приходилось полагаться на них. А фактически «русские были часто даже лучше, чем их обещание». Делать Польшу испытательным полигоном неразумно. «Без полного представления о том, насколько серьезен для русских этот польский вопрос, мы можем войти в весьма опасные воды». И Стимсон привел еще один аргумент, который он считал важным: «Русские, возможно, были более реалистичными в отношении своей собственной безопасности».

Но Стимсон был в одиночестве. Только председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Маршалл соглашался с тем, что Соединенным Штатам лучше избежать сейчас ссоры с русскими. Это не звучало очень убедительно, так как аргументация сводилась к тому, что русские могут отложить свое вступление в войну на Тихом океане «до тех пор, пока мы не продедем всю грязную работу». Симптоматично замечание адмирала Леги: «Соглашение в Ялте подлежит двоякой интерпретации». Трумэн был определенно смущен выступлением Стимсона. Близилось время встречи с Молотовым, а президент получал противоречивые сигналы. Чтобы собраться, Трумэн объявил, что намерен обсудить проблемы в узком кругу – Гарриман, Леги и представитель государственного департамента. Президент попрощался со Стимсоном Форрестолом и представителями родов войск.

Громкий резонанс на совещании вызвало выступление военно-морского министра Дж. Форрестола, о котором присутствующим было известно, что он как бывший президент компании «Диллон, Рид энд компани» был своим человеком на Уолл-стрит и никогда не принадлежал к активистам рузвельтовского «Нового курса». Он обостренно воспринимал судьбу капитализма, казавшуюся ему особенно уязвимой на волне социального подъема, вызванного победой антигитлеровской коалиции в долгой и трудной войне (об этом красноречиво говорят изданные после его смерти дневники). Дж. Форрестол изложил свою точку зрения прямо и открыто: от русских он не ожидал изменения позиции, если СССР не отступится, к нему нужно будет применить силовое давление, поскольку выяснение отношений представляется неизбежным, лучше начать его раньше, чем позже.

Последнее слово принадлежало президенту. Г. Трумэн заявил, что в вопросе о Польше Соединенные Штаты будут придерживаться твердой позиции. Но продвижение по пути ужесточения отношений с СССР будет происходить постепенно, США будут медленно двигаться к замораживанию отношений с СССР, учитывая особенности ситуации на Дальнем Востоке. Наивно не видеть цинизма во многих действиях американских политиков, но цинизм данной позиции виден особенно отчетливо.

* * *

23 апреля 1945 г. в Белом доме состоялась встреча Г. Трумэна с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым. Эта встреча многократно описана и прокомментирована. Г. Трумэн накануне пришел к выводу, что русских больше всего впечатляет сила, и их податливость будет прямо пропорциональна американскому нажиму.

До встречи с президентом Молотов встречался с бывшим послом в СССР Джозефом Дэвисом. Молотов беспокоился о том, чтобы вся информация не исчезла с уходом президента Рузвельта и чтобы «различия в интерпретациях и возможные осложнения не возникли из-за отсутствия Рузвельта». Дэвис тоже беспокоился о том, что Трумэн может полагаться «на дру-

гих» и прийти к «необдуманному решению». Он советовал Молотову попросить у президента возможности объяснить русскую позицию.

Президент Трумэн принял народного комиссара Молотова в половине шестого вечера. Молотов держался совета Дэвиса и тщательно старался объяснить русскую позицию, особенно в польском вопросе. Трумэн перебил Молотова: русские должны внять аргументам Вашингтона. Двусторонние отношения не могут более быть построены на базе «одностороннего движения».

Молотов ответил, что единственным приемлемым способом сотрудничества является отношение трех правительств друг к другу как к равному, без желания навязать свою волю. Армия Крайова воюет в тылу Красной Армии. Трумэн заявил, что его не интересует пропаганда.

Выслушав слова президента «Выполняйте наши требования по Польше, и мы будем говорить в менее грубой манере», В. М. Молотов побледнел (Болен пишет, что он стал «пепельным»). Он старался изменить предмет беседы, но Трумэн был непреклонен. Согласно воспоминаниям Трумэна тогда Молотов и сказал, что никогда в жизни с ним так бесцеремонно не разговаривали. Трумэн потребовал передать все сказанное Сталину и дал понять, что встреча окончена.

На присутствующих жесткое поведение президента произвело впечатление. Леги пишет в дневнике. «Жесткая позиция президента оставила русским лишь два способа действий: или сблизиться с нашей позицией по Польше, или быть вытесненным из новой международной организации. Меня более чем удовлетворила позиция президента, и я полагаю, что она будет иметь благоприятный эффект на советскую позицию в отношении внешнего мира. Русские всегда знали, что мы обладаем мощью, а теперь они должны знать, что у нас есть решимость настаивать на декларируемом праве всех народов выбирать собственную форму правления».

Гарриман: «Я был несколько шокирован, честно говоря, когда президент столь энергично атаковал Молотова. Я считаю правдой то, что ни один иностранец не говорил с Молотовым таким образом... Я сожалею, что Трумэн поступил таким образом; его поведение позволило Молотову сказать Сталину, что политика Рузвельта отставлена. Это была ошибка».

Молотов сказал, что понимает важность польского вопроса для США, но для СССР – это вопрос жизненной важности. Г. Трумэн пригрозил, что неуступчивость СССР может привести к тому, что США начнут создавать мировую организацию без него и что вопрос о предоставлении СССР экономической помощи будет отставлен.

Дважды за тридцать лет Германия проходила польским коридором к жизненным центрам России, ставя ее на грань выживания. А ныне Америка брала на себя роль куратора русских западных границ. На многое могли пойти русские, руководствуясь желанием сохранить дружбу с Соединенными Штатами. Но не ценой передачи власти в Варшаве «поздним пилсудчикам», которые просто ненавидели Россию. Торговать русской безопасностью в 1945 г. было невозможно. Между Германией и русскими границами стояла самая мощная в мире армия, и ее доблесть стоила ей невероятной крови. И зря Трумэн взял свой жесткий тон. Россия никогда не была колонией Запада; менее всего она готова была ею стать после победы над Германией. «Польские ворота» стоили России огромных жертв и отдавать ключи от этих ворот Вашингтону советское правительство не могло.

* * *

Итак, в дни определения послевоенного мироустройства, весной 1945 г., американское руководство в своих отношениях с Советским Союзом поставило задачу проконтролировать и изменить советскую политику в наиболее важном для СССР пункте – отношений СССР с его главным европейским соседом – Польшей.

Почему Польша? Почему эта страна стала точкой столкновения Америки с Россией? Американская сторона выбрала в качестве теста крайне неудобный пример. Как справедливо указал еще в Ялте Сталин, «для России Польша – не только вопрос чести, но вопрос безопасности». Для любой великой державы вопрос безопасности был важнее всех прочих. В этом плане Россия Сталина ничем особенным не отличалась – Соединенные Штаты защищали бы свою безопасность с не меньшим упорством.

Однако по воле США СССР должен был «забыть» о том, что предвоенная Польша была исключительно враждебна по отношению к своему восточному соседу, что даже при непосредственной угрозе национальному суверенитету в 1939 г. она отказалась сотрудничать с СССР; забыть, что предвоенная Польша была бастионом антисоветизма, главным звеном созданного Западом «санитарного кордона» вокруг СССР. Должно было случиться так, чтобы СССР забыл о 600 тыс. павших за освобождение Польши советских воинах, о том, что национальное возрождение Польши стало возможным лишь ценой жертв, понесенных Советским Союзом.

Глава Советского правительства И. В. Сталин писал президенту Трумэну: «Вы, видимо, не согласны с тем, что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу Правительство и что Советское Правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему Правительства... Попросту говоря, Вы требуете, чтобы я отрешился от интересов безопасности Советского Союза, но я не могу пойти против своей страны».

Есть значительная доля иронии в том, что американское руководство, сделавшее польский вопрос ключевым для определения своих отношений с СССР, выступало за «демократизацию» варшавского правительства. Эта «демократизация» должна была произойти путем передачи всей государственной власти в новой Польше эмигрантскому правительству в Лондоне. Псевдodemократический характер этого лондонского правительства был довольно хорошо известен. Весь мир наблюдал за восстановленной в 1918 году Польшей. Даже невзыскательный американский политик не мог квалифицировать режим Пилсудского иначе, как диктатуру, наложившую запрет на основные политические свободы. Охваченный самомнением, режим панской Польши не признавал факта существования в рамках своего государства миллионов украинцев и белорусов. Антисемитизм довоенной правительственной верхушки панской Польши известен, как известно и то, что эта страна с 1934 года пыталась сблизить свою внешнюю политику с курсом гитлеровского рейха. Возвратить таких политиков и их прямых идейных наследников в Варшаву в 1945 г. значило надругаться над жертвами Второй мировой войны.

Экономические рычаги

Очень важное значение имело мнение Трумэна и Гарримана о том, что Советский Союз уязвим для экономического нажима, что экономические рычаги могут оказаться самыми действенными. Выступая перед руководством госдепартамента, Гарриман красноречиво развивал ту мысль, что «для департамента важно получить контроль над действиями всех агентств и организаций, имеющих дело с Советским Союзом, для того, чтобы в случае необходимости оказать давление». Дебаты концентрировались вокруг послевоенных американских займов и кредитов Америки России, вокруг выплат по ленд-лизу и репараций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.